

ДАГОБЕРТО ГИЛЬ

[173]

ИЛ 1/2019

Отчаянные головы

Рассказ

Перевод с английского АНДРЕЯ СВЕТЛОВА

ОНА выскочила и хлопнула дверь; мелкий завопил так, как никогда раньше. Томилио взял его на руки, но тот принялся извиваться и дрыгать ножонками, пытаясь высвободиться.

Он старался говорить с мелким спокойно (хотя сам не ощущал никакого спокойствия), старался объяснить ему, что все хорошо, что она скоро вернется.

Надо сказать, раньше такого никогда не случалось: чтобы она вот так от него ускакала, раньше у него всегда была возможность всучить мелкого ей, как только тот заорет. И, по большому счету, он еще никогда не оставался с сыном один.

— Скоро мамочка вернется, — все приговаривал он. — Скоро она придет, вот увидишь. Плакать не надо, малыш.

Ребенок вопил что есть мочи.

Все это здорово напрягало. Ведь это не его тема — водиться с орущей мелкотой. Он повторял ей это каждый раз, и она всегда соглашалась. Она и так по всякому случаю говорила Томилио, что боится доверить ему сына; конечно, это немного задевало его достоинство, зато не надо было возиться с орущей мелкотней, и его это вполне устраивало.

– Да успокойся ты!.. Можно подумать, это конец света!

Томилио крепко прижимал сына к себе, чтобы тот не выпал из рук. Ему так хотелось наорать на него, чтобы заткнулся, так хотелось надавать по заднице... Но в то же время он знал, что мелкий разревелся не зря, и потому сдерживался.

Надо вспомнить что-то такое, от чего сын обычно радовался, – и попробовал опустить его рядом с пластмассовыми кубиками, с которыми тот все время играл. Мелкий затих и весь напряжился... а затем выместил весь свой испуг и обиду, треснувшись головой об пол (пыльный дощатый пол в снимаемом ими доме). Теперь он уж точно ревел не зря.

Томилио так и оставил его рыдать посреди зала и ушел на кухню за пивом. Откупорил банку, бросил ушко на пол (рядом с мешком для мусора) и подошел к столу. Подумалось: не скрутить ли косячок из пакетика с травкой? (Отсыпал себе из мешка, что перевез этим утром.) Маруха была зашибись, да и стояла нехило. Он думал, это его шанс, единственная возможность обеспечить им достойное место под солнцем. Конечно, она ему не поверила. Сказала: слишком опасно. Он же сказал, что так они встанут на ноги, а через год и вовсе будут как сыр в масле кататься, что это надежные парни и денег у них до хрена.

“Сейчас эти уроды, небось, уже почти в Калифорнии”, – думал Томилио, потягивая пиво. Курить совсем расхотелось: он и видеть эту травку не мог. Из комнаты все еще доносился плач. Томилио разом осушил банку.

Ему было показалось, что мелкий почти проревелся, потому что тот позволил взять себя с пола. Он, что называется, зашелся от плача: дышал со свистом и вдыхал рывками – маленькое, жиденькое тельце.

Томилио прижал его к себе. Ему было неловко, но ручки сынишки, обхватившие его шею, пробудили в нем что-то инстинктивное, и на миг он почувствовал себя отцом, хотя никак не мог объяснить себе это смутное чувство.

– Ну вот, сейчас мы успокоимся...

Он заметил, что говорит за двоих.

– Ты успокоился, правда?

Однако спокойнее от этого не стало.

Какое-то время ходил так с сыном по дому – качал его и проводил рукой по спине. Казалось, дело пошло на лад: мелкий стал засыпать, хотя все еще тихонько похныкивал. Появилась надежда, что худшее уже позади: осталось только положить его в кроватку – и все (она, конечно, вернется раньше, чем он снова проснется).

Томилио зашел в ванную, чтоб посмотреть, закрыл ли мелкий глаза, – и увидел их в зеркале: они глядели на него в упор.

Никогда еще он не видел себя с сыном на руках, никогда у него не возникало желание почувствовать, как к нему прижимается его родная кровиночка, он и в мыслях не мог допустить, что кто-то застанет его в таком виде. Ведь это выглядит так по-бабьи, так по-мамашенски, да и просто — не в тему...

И уж теперь-то подавно не желал допускать всякие сопливые нежности, тем более что вообще никогда не любил светиться в зеркале без особой нужды. Отнес мелкого в спальню и положил на кровать, где они обычно спали втроем, хотя, конечно, чаще всего мальчишка просыпался и начинал орать; тогда приходилось вставать и идти в зал, чтоб спокойно доспать до утра (на купленном в комиссионке диване). Мелкий совсем отключился.

Томилио вроде и не хотел еще пива, но все же достал из холодильника банку. Как ни крути, а надо было как-то убить время. Ведь он не такой безответственный. Даже и зная, что она скоро вернется, он не оставил бы ребенка одного.

В этот раз он все же свернул косяк и курнул. Дурь была обалденная. На минуту подумалось: не закинуть ли еще пару барбосов, чтоб оттянуться по полной, — но, если сейчас догнать колесами или там еще какой вмазкой для расслабухи, мозги совсем разнесет в хлам и будет еще хреннее, чем слушать этот рев, пока не вернется мать.

Томилио решил позаботиться о сыне. Задумал все сделать как надо. Чтобы у нее не было ни малейшего предлога бросить его и оставить со всеми проблемами. Если дело все же дойдет до развода, у нее не должно быть никаких оснований заявить, что он даже не заботился о своем сыне. Во всяком случае, пусть это будет неправда. Потянул еще, с удовольствием.

Курил и прикидывал, каким макарон можно разделаться с теми гондонами из Лос-Анджелеса. Перед глазами нарисовались дыры у них в груди — размером с футбольный мяч, не меньше. Представлял себе, как одним прекрасным вечером, когда они уже забудут о нем и думать, он соберет своих друзей из Мексики — и просто размажет их по асфальту. Потом стал опускаться с волны на землю, думал уже просто о том, как бы их вычислить и вернуть свои деньги, а может, еще и травку. И все же он знал, что никогда уже их не увидит, что надо смириться с потерей, просто забить на это, сидеть и не рыпаться.

Томилио зашел в спальню посмотреть, как там мелкий. И сам улегся рядом. Ему было жалко сына: ведь он так долго не мог уснуть; хотя не удивительно, что он так расписиховался. Ведь она и его бросила. Хотелось бы знать, когда она собирается возвращаться!.. Мелькнула мысль, что могла уйти навсегда... Повернулся на спину и начал разглядывать трещину, ко-

торая ползла по сухой стене; мелкие кусочки штукатурки постепенно отваливаются по краям: так осыпаются берега Рио-Гранде — медленно, но верно. Закрыв глаза и увидел себя у реки — было раннее утро, еще почти ночь, звезды мерцали неоновым светом (как надпись “Голливуд” горит в воображении); перекидываясь шутками, он скалит зубы и нагружает свой “Транс-американос” отборными шишками марихуаны, особенно стараясь для этих банкиров, которые перебрались заранее. Увидел, как включает радио, настраивает на свою любимую ранчеру¹ из Хуареса, ботинок глубоко вдавил газ шестицилиндрового “фэлкона”², он едет за ними по дороге (к мотелю на Меса-стрит), следя за задними габаритными фонарями, которые начали отдаляться, как только они выехали на федералку, увидел, как беспомощно метит в красные огоньки, его колыт тупо лупит в черную пустоту, слепые пули бессмысленно секут воздух над бескрайней пустыней...

Видимо, дернулся во сне и покачнул кровать. Мелкий зашевелился. Томилио принялся энергично поглаживать сына по спине, молясь, только бы тот не проснулся, уж только бы не сейчас. Хотелось бы знать, где ее черти носят! Зря он, конечно, залепил ей пощечину. И мелкий, как назло, все видел... Томилио помнил, как тихо тот играл, пока не началась разборка. Помнил, что до этого он не орал. Мелкий опять спал. Томилио решил, что, пожалуй, ему тоже неплохо бы покемарить. Постарался заснуть и вскоре уже храпел.

Разбудил его какой-то вой: снова ревел мелкий. Каждый раз она объясняла ему, что дети всегда плачут, когда проснутся. Но это была не его тема... Томилио взял его с кровати и начал ходить по комнате. По крайней мере, ревел он уже малость потише. По-прежнему требовал мать, но в крике уже не было столько отчаяния.

Томилио прошел в гостиную и включил телевизор. Переключал каналы, пока не пошла реальная тема. Вестерн: пальба и погони на Диком Западе. Маршал³ с отрядом помощников вел ожесточенную перестрелку с бандой головорезов, засевших в горном ущелье. Томилио смотрел не отрываясь. Даже мелкий повернулся к экрану... но совсем ненадолго. Снова положил голову на плечо к Томилио и завыл. Конечно, сразу было понятно, кто победит, но это не важно...

1. Ранчера — жанр традиционной мексиканской музыки.

2. Американский компактный автомобиль, выпускавшийся корпорацией “Форд мотор компани” с 1960-го по 1969-й год.

3. Маршал — подчиняющийся шерифу округа начальник полицейского участка в некоторых небольших городах США.

Он вышел на кухню и взял еще баночку пива. Так и стоял, играя в руках ушкoм; депресняк такой — хуже некуда. Мелкий нафурил в подгузник, лишнее потекло у него по ноге и намочило футболку Томилио. Терпение было на грани... Да где она там шарается?! А может, вообще не вернется?..

Опустил мелкого у телевизора, стянул с него подгузник и оставил совсем голым.

Пиво было отвратное. Нестерпимо хотелось свалить, не важно куда, главное — вырваться из этой задницы, умотать нахрен.

Жахнул почти полную банку в стену над столом. Банка бухнула в толстую штукатурку, выстрелив шипящим харчком в потолок и отколов от стены полумесяц.

Мелкий отвлекся от своего горя и затих, выжидая, пока пиво не стечет вниз. Потом заревел с новой силой.

— Прости, малыш. Я тебя напугал. Это так, ничего особенного.

Он говорил серьезно. Сам не знал, что́ это на него нашло. Мелкий смотрел на Томилио с ужасом, но в то же время ждал, что его приласкают.

— Видишь, ничего не случилось.

Взял сына на руки. Пока в фильме была реклама, ходил с ним по комнате — туда-сюда, взад-вперед. Мелкий понемногу успокаивался. Мелкий — но не Томилио.

— Ну-ка, посмотрим, что́ у нас там есть покушать, — сказал он сыну.

Пошарил по кухне, но, как всегда, ни хрена вяленого не нашел. И по этому поводу она тоже разорялась. А что он сказал? Что у них нет денег. Тогда она приплела эту его историю с наркотой. А он — швырнул ей в лицо несколько мятых бумажек и дал в ухо. Зря, конечно, так сделал. Наверно, она права.

Мелкому, похоже, нравилось обследовать кухню. Он улыбался и показывал на разные вещи в буфете. Наконец Томилио отыскал два ломтя белого хлеба и достал из холодильника маргарин. “А мелкий соображает что к чему”, — обрадовался Томилио, потому что тот потянулся к пачке маргарина и здорово оживился, когда увидел, что хлеб скоро отправится в тостер.

— Ага, — воскликнул Томилио, стараясь изобразить голосом звуки детского ликования, и со счастливой рожей повернулся к сыну. — Это тебе.

Теперь, когда мелкий перестал орать, Томилио чувствовал себя намного лучше, понимал, что делает все не на автопилоте, что это ему даже как бы нравится. “Он будет сильным, когда вырастет, — думал Томилио. — Он всему у меня научится!..”

Подошел с сыном к календарю (притащил из хозмага и прилепил к холодильнику) и показал иллюстрацию.

— Видишь: вот это — облака на небе, над во...он теми горами.

Мелкий внимательно посмотрел на картину, ткнул пальчиком в покрытое облаками голубое небо и улыбнулся Томилио.

— Вот именно! Молоток! Облака и небо!

В порыве отцовской гордости обнял все еще голого сына и поднял на вытянутых руках к окну над раковиной.

— А теперь погляди сюда, — сказал, указывая вверх Гор Франклина. — Видишь: вон там — настоящие облака и небо.

Мелкий смотрел из окна вместе с ним, и Томилио был твердо уверен, что тот все видит и узнает. Стоял так с сыном в руках и как бы терялся в своих фантазиях, при этом несколько не сомневался, что сын витает в его мирах вместе с ним.

Было слишком поздно, когда Томилио очнулся и увидел, что мелкий показывает на дымящийся тост. Он уже превратился в чернящий уголь.

— Видишь, — сказал, извиняясь, сыну. — Ничего не осталось...

Но мелкий уже настроился и, когда до него дошло, что тоста ему не светит, вновь разорался.

— Да что я его, — рявкнул Томилио, — родить тебе должен?!

От обиды и страха мелкий заревел так горько, что снова его описал — всего.

Томилио снова отнес сына к телевизору. Маршал уже скрутил главаря шайки и вез на лошади в участок. Он был ранен, но добыча от него не ушла.

Томилио сбросил мокрую футболку и шорты. Не осталось уже никаких сил искать себе другую одежду, невозможно было выносить этот рев. Он вышел и захлопнул дверь (с той же силой, что и она) — чтобы больше не слышать эту вечно орущую мелкоту. Да где ее там черти носят?! И как она могла смяться, если знает, что ребенок не может без матери?!